

Год литературы

Несостоявшийся роман с металлургией

Автор знаменитой «Молодой гвардии» Александр Фадеев четыре раза приезжал в Магнитку

Во время визитов в наш город писатель собирал материал для романа «Чёрная металлургия». Фадеев, по его собственному признанию, поставил перед собой сложную задачу: на примере магнитогорцев показать процесс переплавки сырья в продукт, не только руды в сталь, а самого рядового человека – в передовика, в строителя нового общества. Эта книга так и не была закончена. 13 мая 1956 года Александр Фадеев застрелился. В предсмертном письме, опубликованном лишь спустя 34 года после его гибели, он признаётся, что не может жить и писать так, как жил и писал раньше.

«ММ» публикует воспоминания об Александре Фадееве из дневника Людмилы Татьянической, жившей в Магнитке с 1934 по 1944 год:

«Фадеев приехал в Челябинск. Приехал дописывать первую часть своего большого романа, условно названного «Чёрная металлургия». Впервые он приезжал в 1951 году. Затем ещё несколько раз и подолгу жил в Магнитогорске, ходил по цехам, общежитиям, разговаривал с людьми.

В Магнитке всегда останавливался у Владимира Захарова – знатного сталевара, одного из прославленной тройки лауреатов Сталинской премии

Работе над романом мешала болезнь: Фадеев долго и тяжело хворал. О болезни своей он рассказывать не любил, обычно отшучивался, если задашь вопрос.

В этот приезд Александр Александрович в Магнитогорске пробыл недолго. Чтобы удобнее было работать, обосновался под Челябинском на даче Смолино, на берегу большого, беспокойного озера. Несколько раз заходил к нам, обычно днём, во время «наездов» в город. Предварительно звонил по телефону: «Я звоню с почтамта. К вам можно сейчас зайти?» Один раз он пришёл из Смолино пешком. Дошёл до железнодорожного переезда, свернул в лесок и от сосны к сосне дошёл до городского парка.

О своих прогулках всегда рассказывал с увлечением. Он лучше любого челябинца изучил городские окраины, побывал на улочках, где руководители города бывают лишь мимоходом.

– Интересное дело, – говорит Фадеев, по-блэскивая своей милой, доброй улыбкой. – Внешне это настоящие трущобы: крохотные землянки, убогие лачуги. А зайдёшь в них – люди живут совсем не по-трущобному. Зажиточно живут. И радиоприёмники, и хорошая мебель, и дорогая одежда. Выходят девушки из такого землекрёба в шелках, в красивых туфельках. Не хватает у нас жилья, вот и ютятся люди в убогих жилищах. Вот где не соответствуют форма содержанию...

Последняя фраза произносится шуточно, и улыбка, вспыхнув в голубых, по-детски чистых глазах, переходит в смех неожиданный, выразительный, детский.

Фадеев необыкновенно прост и всегда естественен

Он умеет расположить к себе человека, повернуть его к себе лучшей стороной. С ним легко говорить. Он замечательно умеет слушать, проявляя к словам собеседника интерес и полное уважение. Его большие красивые руки участвуют в разговоре, то смягчая, то обостряя произносимые им слова. Вот он стоит на пороге своей небольшой скромной дачи и, отводя рукой ветви вяза с шершавыми жёлтыми листьями, приветливо приглашает: «Проходите пожалуйста!» Внимательно всмотревшись в лицо, он говорит: «Вы хорошо выглядите...»

Фадеев занимает три небольших комнатки в даче, расположенной в верхней части

Л. Татьяничева, В. Захаров, Н. Семёнов, А. Фадеев, г. Магнитогорск, 31.01.1952 год

дачного участка. Обставлены комнаты чрезвычайно просто, и главным их украшением служит безукоризненная чистота. Эту чистоту поддерживает не столько пожилая уборщица – жена сторожа, сколько сам Фадеев. На его столе – большом, удобном, строгого канцелярского типа – образцовейшая чистота и порядок. Стопка белой бумаги, чернильный прибор, несколько тетрадей и ничего лишнего. А «хозяйство» у Александра Александровича огромное. Не без гордости он показывает добрую дюжину общих тетрадей, исписанных мелким твёрдым почерком. Это запись бесед с людьми, конспекты учебников по чёрной металлургии, заметки, наблюдения. Все это в постоянной работе. Работает Фадеев много. В шесть утра начинается его день. Сначала прогулка. Впрочем, в последние недели, когда работалось особенно плотно, утренняя прогулка часто исключалась.

В тёплые дни любит смотреть на озеро. Излюбленное место для этого – купальня. Ложится на тёплые, нагретые солнцем доски и смотрит на воду – то густо синюю, то стальную, то зелёную. И гостей своих Фадеев обязательно уводит к озеру.

– Пойдёмте вот туда, – указывает он на обращенную к озеру скамеечку. – Оттуда озеро хорошо видно. Смотрите, вон утки опустились на воду. Жаль, ружья нет.

И хотя на этот раз охотничьего снаряжения с ним не было, он все равно не отказывал себе в удовольствии поохотиться.

– Научился управлять шестом на плоскодонке. Это, оказывается, нелегко, особенно

если учесть, это озеро сплошь заросло камышом. Но зато как славно поохотились.

Фадеев любит стихи и превосходно знает русскую классическую и советскую поэзию

Он читает на память многих поэтов. Говоря о моей поэме «В гости к сыну», он, как недостаток, отметил отсутствие «подводного течения». И по аналогии начал говорить о Никитине, стихи которого, в отличие от стихов Некрасова, ограничились лишь описанием факта, события и очень редко поднимались до больших обобщений.

– Но у Никитина есть превосходное стихотворение «Хозяин». Сначала идет описание, в обычном для поэта плане. А потом под словами этой песни вы ощущаете бурное подводное течение. Оно захватывает вас, волнует. А дальше слова, исполненные высокого драматизма, в которых поэт поднимается до больших художественных обобщений...

Прочитав эти стихи, Фадеев замолчал, взволнованный их поэтической силой. Тихо плескалось озеро, медленно падали

с берёз яркие листья. Один из них, покружив в воздухе, мягко опустился на руку Александра Александровича. Разгладив его на колене, он сказал:

– Я не знал, что здесь такая осень. Золотая... В моём уединении это особенно заметно. Хорошо работается, доволен, что приехал сюда, только время быстро летит – скоро в обратный путь собираться.

Провожает Александр Александрович всегда до самой машины. Дождётся, когда машина сделает разворот, помашет рукой и только тогда повернёт назад – высокий, подобранный, прямой, с яркими, снежной белизны волосами на небольшой красивой голове. Несколько дней потом вспоминается сказанное им, его зоркие глаза, умеющие видеть то, что скрыто в человеческом сердце.

Инженер человеческих душ. Я не знаю другого писателя, который и творчеством, и всем обликом своим так соответствовал бы этому определению...

Нелепая, жестокая смерть унесла из жизни этого великолепного человека, писателя, светлый талант которого вызвал к жизни чудесные образы. Все, кто знал Фадеева, переживают его смерть как большое личное горе. Неужели нельзя было помешать этой смерти? Александр Александрович, что вы наделали, ведь не в вашей это натуре пасовать перед жизнью, уходить с её нелёгких путей?»

Людмила Татьяничева,
16 июня 1956 год

Фот. из архива «ММ»: Е. Карпов

АЛЕКСАНДРУ ФАДЕЕВУ

Воли б лист, что по ветру кружится,
Мог бы снова к ветке прилепиться,
Он опять бы сделался зеленым,
С кленом до зны не разлученным.
Если б той, проклятой трижды пуле,
Чуть помедлить в револьверном дуле,
А пружине, скатой до отказа,
Не послушать Вашего приказа,
Вы бы жили, улыбаясь ясно,
Жизни, что по-новому прекрасна.
Впрочем, что я...
Разве к Вы не рядом?
В гуцу дел спешите Вы без зова,
Дальнебойной меткости снарядом
Навсегда осталось Ваше слово.
Для врагов губительней, чем лава,
Краснодонцев князя отвага...
К Вам пустая, чопорная слава
Подойти не смела на ползага.
Любим Вас за правду и сердечность.
За мечту,
За творческую смелость.
И за то, что, славя человечность,
Вы клемили локь и очерствелость.
... Я не верю бронзе обелисков,
И цветам, что рдеют на могиле.
Вы – живой,
Вы где-то очень близко.
Только адрес свой не сообщали.

май, 1956